

В книжном издании был опубликован полный текст статьи под названием «Вопрос совести».

- ¹⁶ Tagebuch. S. 20.
¹⁷ Ibid. S. 91.
¹⁸ Ibid. S. 157.
¹⁹ Ibid. S. 22.
²⁰ Paquet A. Im kommunistischen Rußland. Briefe aus Moskau. Jena, 1919. S. 83. Московские статьи Паке цитируются в дальнейшем по этому изданию с указанием страниц в скобках.
²¹ В сборник вошли двадцать пять статей: «Приближение», «Москва», «Покушение», «Ярославль», «О немецких колонистах Поволжья», «Новые события», «Памятник Александру», «Кризис», «Положение дел», «Положение советского правительства», «Накал борьбы», «Вопрос совести», «Судьба русской церкви», «Экономическая политика народных комиссаров», «Разворот русского империализма», «Террор», «Чрезвычайка», «Крестьянский вопрос», «Годовщина», «Пролеткульт», «Русские женщины», «Блокада», «Судьбы русской прессы», «Красная армия», «Скованный город».
²² Tagebuch. S. 157.
²³ Доклады: Der Geist der russischen Revolution. Frankfurt a.M. Gesellschaft von 1918, 13.01.19 ; Der russische Bolschewismus. Diskussionsabend. Frankfurt a.M. Gesellschaft von 1918, 03.02.19 ; Das revolutionäre Rußland und die Deutschen. München. 13.02.19, Heilbronn. 15.02.19, Stuttgart. 16.02.19 ; Sowjetrußland. Köln. Gesellschaft der Künste, 19.04.20 ; Das heutige Rußland. Frankfurt a.M. 11.08.20 ; Rußland und Europa. Hamburg. Künstlerhilfe, 28.11.21 ; Slawentum und Deutschtum. Frankfurt a.M. Deutsch-Südslawische Gesellschaft, 12.12.21 ; Der Übergang des Epos in den psychologischen Roman. Von Dante bis Dostojewski. Frankfurt a.M. Morgenfeier des Schauspielhauses, 3.04.22 ; Deutsche und Slawen. Prag.

Kongreß für kulturelle Zusammenarbeit, 03.10.28 и др. Статьи в периодике: Gegen die Blockade Sowjetrusslands // FZ I, 19.10.19 ; Die Bühne im russischen Rätestaat // Der Zuschauer 1, H. 3. S. 6–9 ; Berichte aus Sowjetrussland // Das Tagebuch 1, H. 4. S. 117–125, H. 5. S. 161–166, H. 6. S. 204–208, H. 7. S. 253–257, H. 9. S. 328–333, H. 10. S. 356–362 ; Für Rußlands Hungernde // FZ A, 19.11.21, Hamburger Volkszeitung 26.11.21 ; Für Rußlands Hungernde // FZ II, 29.01.22, FZ A 24.02.22, 03.04.22 ; Rußlands Jammer. Aus einer Rede // Die Glocke 8. S. 131–135 ; Produktive Hilfe für Russland // Die Glocke 8, S. 352–356 ; Internationale Arbeiterhilfe und politische Propaganda // FZ I 01.01.24 и др. Особо нужно выделить эссе: Das russische Gesicht. Heilbronn : G. Ulrich, 1920 ; Rom oder Moskau. Sieben Aufsätze. München, 1923.

- ²⁴ Например, в докладах 1919 г. «Революционная Россия и немцы», «Русская революция как трагическое событие» и «Дух русской революции», опубликованных отдельным изданием: Paquet A. Der Geist der russischen Revolution. Leipzig, 1919.
²⁵ Paquet A. Sturmflut. Schauspiel in 4 Akten und 10 Bildern. Berlin, 1926 ; Idem. Die Prophezeiungen. Roman. München, 1923. О драматургии Паке см.: Thöne M. Zwischen Utopie und Wirklichkeit. Das dramatische Werk von Alfons Paquet. Frankfurt a.M., 2005.
²⁶ Роман «От ноября до ноября», над которым Паке работал в 1929–1932 гг., до сих пор не опубликован. Его многочисленные редакции хранятся в Городской и университетской библиотеках Франкфурта на Майне. О романе см.: Wagner M. Alfons Paquet: «Von November bis November». Edition, Kommentar, Interpretation. Uni Regensburg. Magisterarbeit ; Wagner M. Von November bis November. Ein nachgelassener Roman // In der ganzen Welt zu Hause. Tagungsband Alfons Paquet. Hrsg. v. Oliver M. Piecha und Sabine Brenner. Düsseldorf, 2003. S. 58–69.

УДК 821.161.09–1+929 [Державин+Пушкин+Городницкий]

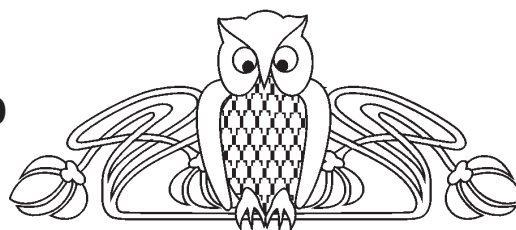
ПУШКИНСКО-ДЕРЖАВИНСКИЙ МИФ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. ГОРОДНИЦКОГО (мотив передачи лиры)

В. В. Биткинова

Саратовский государственный университет
E-mail: bitkinova@mail.ru

В статье рассматривается трансформация пушкинско-державинского мифа в двух стихотворениях А. М. Городницкого; делается попытка объяснить индивидуально-авторскую, полемическую по отношению к сложившейся в массовом культурном сознании трактовку мифа через анализ автобиографизма и аутопсихологизма избранных произведений, а также вписать их в более широкий контекст представленных в поэтических и мемуарных текстах размышлений барда о проблемах российской истории.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, А. Городницкий, русская культура XVIII – первой четверти XIX в., декабристы, бардовская поэзия, культурный миф.

Pushkin and Derzhavin Myth in A. Gorodnizky's Poetic World (Motif of Lyre Transferring)

V. V. Bitkinova

The article deals with the transformation of Pushkin and Derzhavin myth in two poems by A. M. Gorodnizky; an attempt is made to explain the author's individual interpretation of the myth (controversial to that established in the mass cultural consciousness) by means of analyzing the autobiographical and autopsychological components of the works under investigation. It is also undertaken to enter those

poems in the wider context of the bard's reflections on the Russian history problems, presented in poetic and memoir texts.

Key words: G. R. Derzhavin, A. S. Pushkin, A. Gorodnitsky, Russian culture of the XVIII – the first quarter of the XIX century, Decembrists, bardic poetry, cultural myth.

Данная статья является продолжением публикации в одном из предшествующих номеров журналистско-филологической серии «Известий Саратовского университета»¹ и посвящена рассмотрению незатронутых в ней стихотворений А. Городницкого «Державинская лира»² (2004) и «Тебе, Жуковский, лиру отдаю»...» (2007, 263). Оба они построены на трансформации сложившегося вокруг фигур Пушкина и Державина и ставшего достоянием культурной мифологии мотива передачи лиры.

Но прежде чем говорить об интерпретации в этих произведениях пушкинско-державинского мифа, отметим, что в стихотворении «Державинская лира», как и в рассмотренных нами ранее текстах Городницкого (а также Д. Самойлова), образ Державина погружён в вещный и подчёркнуто бытовой мир. Предельно детализирован и дестетизирован его портрет, используются разговорные, просторечные слова: «Известно, что прибывший на экзамен / Измученный дорогою старик, / Слезящимися поморгав глазами, / Спросил швейцара: “Где у вас нужник?” / И, не входя в торжественную залу, / У печки на кушетке отдыхал, / А лицеиста юного, пожалуй, / В тот вечер он и слыхом не слыхал». Портрет во многом перекликается с созданным в автобиографическом отрывке Пушкина «Державин»: «Державин был очень стар <...> Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы <...> Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности»³. Сложившиеся клише в изображении Державина становятся в стихотворении Городницкого ещё более ощутимыми оттого, что портрет старого поэта заметно контрастирует со всем остальным текстом, выдержанным в несколько обобщённой традиционно-«поэтической», торжественной стилистике («скрижали», «золотые россыпи слов», мир, «витающий в солнечном дыму», поэты, из которых «любой неповторим и славен»). Даже из поэзии Пушкина цитируется одно из самых возвышенных стихотворений – «Пророк», именно из Пушкина, а не из Державина привносится архаичная библейская лексика, усиливая библейский же образ в предшествующем стихе («Чьи имена запишут на скрижали, / Глаголом прожигавшие сердца?»).

Разрушение мифа о передаче лиры в стихотворении «Державинская лира» производится путём экспликации самого процесса мифотворчества: в сюжете отчётливо выделяются его этапы, знаком разделения которых могут служить, в частности, слова, обозначающие авторскую оценку достоверности описываемой ситуации

или время, к которому она относится. Сначала ставится под сомнение достоверность общеизвестного факта («Благословил ли Пушкина Державин, / Мы так и не узнали до конца»⁴). Потом как не подлежащая сомнению («известно, что...») детально излагается восходящая к Пушкину история приезда старого поэта в Лицей на экзамен, когда он «спросил швейцара: “Где у вас нужник?”». Третий этап – новая версия продолжения лицейского экзамена («И, не входя в торжественную залу, / У печки на кушетке отдыхал, / А лицеиста юного, пожалуй, / В тот вечер он и слыхом не слыхал»). Четвёртый – раскрытие позднейшего процесса мифотворчества («Потом уже легенды накатили: / Воображенья юношеский пыл / И сцена, что так ярко на картине / Художник Репин нам изобразил»); участвуют в нём сами герои событий, для которых важные моменты их жизни приобретают символический смысл, и искусство, по самой своей природе укрупняющее и превращающее в символы отбираемые и интерпретируемые им реальные события. Итог – призыв отказаться от упрощающих штампов восприятия личности и творчества Поэтов. Во-первых, из-за наивности и «хрестоматийности» самих мифов («Забудем же про детские игрушки / Над золотыми россыпями слов»): важно здесь и определение «детские игрушки», и то, что один из творцов мифа, возможно, действовал под влиянием «юношеского пыла» воображения, а второй – Репин с его картиной «А. С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года» – давно стал принадлежностью массовой культуры, насаждаемой в том числе и школой. В конце стихотворения повторяется первоначальный тезис, но уже в более категоричной форме («Благословил ли Пушкина Державин, / Мы так и не узнаем никогда»).

Разрушение мифа происходит и путём введения в сюжет стихотворения иных персонажей («Нуждались ли в благословенье Пушкин, / И Лермонтов, и Анненский, и Блок?»), а также смещения акцентов в персонажной схеме – не Пушкин (чьё и без того бесспорное преимущество поддержано приведённым выше рядом классиков), а Державин оказывается главным героем стихотворения: оно называется «Державинская лира», и вывод делается с позиции старшего поэта («Поэт свою единственную лиру / Передавать не может никому»). Финал окончательно разрушает не только сюжет, но и само содержание мифа – передачи лиры не было и быть не может.

На изменении персонажей и сюжетной схемы строится разрушение привычного мифа и в стихотворении «Тебе, Жуковский, лиру отдаю»...». Прецедентным текстом, с минимально изменённого переложения которого Городницкий начинает собственное произведение, являются оставшиеся в черновиках Державина четыре стиха: «Тебе в наследие, Жуковский, / Я ветху лиру отдаю; / А я над бездной гроба скользкой / Уж преклоня чело стою»⁵ (у Городницкого: «Тебе,

Жуковский, лиру отдаю», – / Писал Державин в горести, поскольку / Уже стоял над бездной гроба скользкой, / Намереваясь отдохнуть в раю»⁶. В основе же сюжета – не факт передачи, а колебания и раздумья старого поэта о том, «кто овладеет лирою шершавой?»

Смысл этого стихотворения выходит далеко за рамки пушкинско-державинского мифа. Сюжет передачи лиры позволяет «собрать» не только все мотивы «державинского текста» Городничко, но и многие сквозные проблемы, мотивы и образы поэтического мира барда в целом: Поэт и Власть, Поэт и народ, рубеж веков и новые бедствия, тема Дома, образ Одиссея, образы Жуковского и, в подтексте, конечно, Пушкина (и по «сюжету», и через текстуальное совпадение перефразированного державинского отрывка с общеизвестными пушкинскими словами «И в гроб сходя, благословил»). При этом надо учитывать, что все они проецируются как на своё время, так и на время автора.

Как и в более ранних текстах Городничко, образ Державина в «“Тебе, Жуковский...”» концентрирует в себе идею слитности Поэта и Власти, но оценивается эта ситуация не иронически, как в стихотворениях 1970-х гг., а как трагедия поэта. Собственно, само мучительное стремление передать лиру связано, с одной стороны, с представлением Державина (героя стихотворения) о поэзии как о высоком призвании немногих («Не каждому доверится она, / Лишь избранным доступная доселе»), а с другой – с его же представлением о едва ли не иерархии в мире поэзии, подобной иерархии государственных чинов («Где царь один, там и поэт один, / Равновеликий, – остальное ересь»).

Такое мнение в какой-то мере является отражением реальной картины поэтической среды второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: наличие всеми признанного Первого поэта, при этом приближенного к царю и царской семье. Такими были в своё время сам Державин – «Певец Фелицы», Карамзин – собеседник Александра I, Жуковский – воспитатель и учитель в семье Николая I; если бы традиция «просвещённой монархии» не прервалась после восстания декабристов, далее могли бы идти Пушкин и Гоголь⁷. Возможность подобной роли для Пушкина намечалась после его разговора с царём 8 сентября 1826 г., когда Николай поручил ему составить записку «о воспитании юношества» и сказал, что сам будет его цензором (Александр I освободил от цензуры «Историю Государства Российского» Карамзина)⁸.

Поэтическую рефлексию на эту тему представляет стихотворение Городничко «Старый Пушкин» (1978), где, кстати, среди возможных жизненных путей есть и державинский: «Ступал он степенно под светлые своды дворца, / С ключом камергера, мерцающая звездой, как Державин»; «И Пушкин, возможно, писал бы с течением дней / О славе державы, о тени великой Петро-

вой, – / Наставник наследника, гордость народа и трона», «Его вольнодумство с годами бы тихо угасло. / Писалась бы проза. Стихи бы сходили на нет» (83–84). Своеобразный парадокс этого стихотворения заключается в том, что предполагаемые занятия состарившегося Пушкина во многом совпадают с реальным направлением эволюции творчества поэта: он действительно писал прозу, занимался историей, в том числе и историей Петра. Городничко об этом, конечно, знает, но в структуру и советского, и во многом бардовского пушкинского мифа эти факты не вписываются, поэтому отрицаются как невозможные. Характерно в финале стихотворения соединение крайних точек биографии Пушкина: «И мы вспоминаем крылатку над хмурой Невой, / Мальчишеский профиль, решётку лицейского сада» (84). Здесь явно обнаруживается структура мифа как такового: отбор отдельных, символических фактов и их, в реальности разделённых во времени, «одновременное» существование в едином смысловом пространстве; миф не предполагает эволюции героя, а в пушкинский миф входит мотив молодости и ранней смерти, поэтому и «нарушение хронологии», и сам переход от «крылатки», укрывающей смертельно раненого поэта, к «решетке лицейского сада» естественны.

Но идея иерархии в мире искусства – открыто декларируемая и не терпящая возражений («остальное ересь») – является почти прямым отражением любого тоталитарного государства, в том числе, конечно, и советского⁹. В системе же представлений бардовской поэзии вхождение в государственную иерархию для истинного поэта невозможно, представление о «равновеликости» в государственной системе Поэта и Властителя – иллюзия. Отсюда – трагизм в образе Державина¹⁰.

Трагичны в стихотворении Городничко и взаимоотношения Державина с новым поэтическим поколением. Это новое поколение, безусловно, есть: Жуковский, с прямым обращением Державина к которому начинается произведение; «струнное многоголосье», которое слышит герой; имплицитно присутствует Пушкин (хотя Державин о нём, возможно, ещё не известно, но читатель, находясь в контексте мифа, заданного мотивом передачи лиры, знает). Тем трагичнее субъективное одиночество Поэта. С одной стороны, «Затворником живёт он, нелюдим, / В многоголосье струнном разуверься», а с другой – желает не просто угадать, «чьё солнце поднимается в зенит», а передать избранному *свою* лиру. Он знает ей цену, а нужна ли она молодому поколению поэтов? Большинство читателей, знакомых с дальнейшей историей русской литературы (знающих хотя бы поэзию Жуковского и Пушкина), скорее всего решат, что не нужна. Да и в самом стихотворении в образе лиры воплощается тема устаревания поэзии Державина. Определения «шершавая», «пока ещё звенит», «пока ещё не слишком обветшала», «туга неколебимая струна» могут характеризовать

как реальный музыкальный инструмент (понятно, что лира – эмблематический образ, но рассматриваемый нами сюжет предполагает реализацию эмблемы), так и язык державинской поэзии¹¹ и, кроме того, обретают символический смысл.

Отметим, кстати, особенность поэтики эпитетов. В державинском тексте, с цитирования которого начинается стихотворение, лира названа «ветхой» – определение не только в поэзии Державина, но и вообще в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. в достаточной мере традиционно-поэтическое, клишированное, поэтому оно не разрушает эмблематичности образа лиры, а дополнительную «высокость» придаёт ему воспринимаемая уже к тому времени как несколько архаизирующая краткая форма эпитета («ветху лиру»). Городницкий не использует этого эпитета, создавая, однако, ряд других – более чувственно конкретных. Но такие чувственно конкретные образы для представления самых абстрактных понятий были как раз характерной чертой поэтики Державина, отмечались даже младшими современниками как поэтическая смелость¹². Примечательно, что, убрав из цитаты эпитет «ветху», Городницкий сохраняет другой образ – «над бездной гроба скользкой», – истинно державинский, в котором нарушение логических связей (выпадение одного логического звена: «скользкая бездна» вместо «скользкий край бездны») восполняется зримостью и даже осязательностью.

Сложную образно-мотивную структуру имеет в стихотворении ««Тебе, Жуковский...»» образ Дома¹³. И он тоже оказывается пронизанным мотивом одиночества – «затворничества» и исключительности. В связи с последним интересен ракурс образа Одиссея («Туга неколебимая струна, / Как тетива на луке Одиссея»). Образ этого мифического персонажа является сквозным в творчестве Городницкого, зачастую alter ego автобиографического лирического героя, с ним связан мотив возвращения в свой Дом. Появляется в произведениях барда и лук Одиссея¹⁴, с помощью которого он, во-первых, доказывает своё право на этот Дом, а во-вторых, расправляется со всеми врагами. В поэзии же утверждение своего превосходства, победа над слабейшими «пришельцами» как раз и оборачиваются одиночеством, ненужностью, невозможностью передачи лиры. Эпитеты «туга» и «неколебимая» могут быть восприняты в разных ассоциативных рядах и, соответственно, в нескольких метафорических значениях: с одной стороны, как характеристика «лиры», поэзии Державина в ряду с такими, как «шершавая», «обветшала» (хотя и «не слишком», но «пока»), то есть как метафора её неблагозвучности; с другой стороны, как метафора «неколебимой» поэтической и жизненной позиции – Державин ставил себе в заслугу и то, что «истину царям с улыбкой говорил»¹⁵.

«Пространственно» организуют образ Дома в этом стихотворении такие детали, как «окна» и

«часы». Замкнутое пространство Дома составляет антитезу беспокойному внешнему миру («За окнами позёмка воет люто»).

Но пространственные характеристики в этом тексте перетекают во временные. В начале стихотворения пространство Дома граничит с пространственно же оформленными образами «бездны гроба», над которой «стоит» герой, и «рая», где он «намеревается отдохнуть». Другая граница пространства Дома – уже упомянутые «окна». Единственная примета Дома – часы – может в равной мере быть воспринята и как вещная деталь, и как метафора времени. Подобную структуру образа находим и у самого Державина: его знаменитое изображение боя часов – «Глагол времён! металла звон! / Твой страшный глас меня смущает; / Зовет меня, зовет твой стон, / Зовет – и к гробу приближает» («На смерть князя Мещерского»)¹⁶ или «Не слышим ли в бою часов / Глас смерти, двери скрип подземной?» («Водопад»). Кстати, отметим, что в этих примерах время, эмблемой которого являются часы, ведёт к смерти; таким образом, хотя в стихотворении Городницкого тема смерти и образ часов разведены, само их сосуществование в рамках текста о Державине может быть воспринято как продолжение державинской традиции.

«Позёмка» за окнами приобретает черты метафоры исторических катаклизмов: этот стих обрамлён с одной стороны философским афоризмом о быстротекущем времени («Неумолим часов беззвучный бег»), а с другой – характеристикой нового по отношению к герою – XIX века («Что обещает наступивший век? – / Братоубийство, заговоры, смута»).

Мотив Дома/бездомности Поэта – один из сквозных в творчестве Городницкого. По этому признаку, как и по некоторым другим, явно различаются XVIII и XIX столетия. Так, «Михайловское», «Тригорское» и другие стихотворения и песни, где упоминаются места, связанные с именем Пушкина, создают скорее мотив постоянного перемещения в пространстве; своеобразное «резюме» этого цикла – «Дом Пушкина» (1987): «Бездомность Пушкина извечна и горька, / Жилья родного с детства он не помнит», «Дома – как постоянные дворы» (133). Бездомно, бесприютно, постоянно в пути или «на площади» поколение первой половины XIX в.: Пушкин, декабристы, Лермонтов, Гоголь, Чаадаев. Прикрепленность к одному месту для этих людей оборачивается псевдодомом, неволей: «Батюшков безумный, поселившийся в Москве» («Батюшков» (1977, 79)), «затворник на Старо-Басманной» Чаадаев («Чаадаев» (1987, 132)). Поэты же XVIII в. имеют дом. В «державинском тексте» Городницкого наиболее ярким примером является «Дом на Фонтанке» (1971), дом упоминается в стихотворении «Старый Питер» (1998); но можно вспомнить и стихотворение «Карамзин» (1977): «В этом доме двухэтажном / Жил писатель Карамзин» (243). Рубеж веков, приход нового времени знамену-

ется разрушением Дома, вторжением стихии истории: для Державина «Неумолим часов беззвучный бег. / За окнами позёмка воет люто. / Что обещает наступивший век? – / Братоубийство, заговоры, смута»; протекающий «много лет и много зим» в «доме двухэтажном» труд историка Карамзина прерван событиями новой Истории – «“Всё, – сказал он, – не могу”. / Били пушки на Сенатской. / Кровь чернела на снегу. // Тёрся нищий возле дома, / Словно что-то потерял. / Для тринадцатого тома / Начинался матерьял» (244).

Тема рубежа, неизбежной, а в российской истории часто катастрофичной смены веков (и календарных, и исторических, и поэтических) оказывается конфликто-, а значит, и структурообразующей не только в ряде «исторических» песенных и поэтических произведений А. Городницкого, но и в его мемуарных книгах. В этом смысле можно говорить об автопсихологизме образа Державина именно в стихотворениях 2000-х гг., где, в отличие от более ранних текстов, использующих пушкинско-державинский миф, автор ассоциирует себя уже не с ожидающим «благословения» начинающим поэтом, а скорее с поэтом-мэтром, человеком уходящей эпохи. Для Городницкого его эпоха – это, с одной стороны, Империя, о чём он неоднократно говорит и в своих стихах, и в мемуарах и интервью, а с другой – это «поющие шестидесятые». Так называется глава в книгах воспоминаний, и вот её начало: «Мы, люди шестидесятых, дожили до полной надежды и тревог эпохи, когда песни и стихи как будто перестали быть нужны <...> Правда, до песен ли сейчас, когда бывшие окраины распавшейся империи уже охвачены межнациональными, а по существу, гражданскими войнами (Ср.: «Что обещает наступивший век? – / Братоубийство, заговоры, смута». – В.Б.) <...> Тихая, требующая глубоких раздумий стихотворная строка, негромкое звучание струн, приглашающее к доверительному разговору, – всё это осталось в прошлом, и сегодня как будто никому не нужно. Только тяжёлый рок отважно гремит»¹⁷. Но даже если говорить не о роке, а об авторской песне, то при большом количестве клубов, фестивалей, конкурсов, концертов, где ему отводится почётная роль (сам А. Городницкий называет это «работать стариком Державиным»), поэт говорит о «кризисе» в настоящее время бардовской песни. И при актуализации «имперской», и при актуализации культурной, «бардовской» стороны эпохи, собственную принадлежность к которой ощущает Городницкий, правомерно возникновение хотя и разного содержания, но «державинских» ассоциаций, в частности заданного пушкинско-державинским мифом мотива «передачи лиры» (значимым оказывается даже сближение эмблематичного образа «лиры» и гитары как символа бардовского движения¹⁸). В таком контексте автопсихологического наполнения образа героя дополнительный смысл приобретает финал-вывод в стихотворении «Державинская

лира»: «Поэт свою единственную лиру / Передавать не может никому».

Последние строки стихотворения «“Тебе, Жуковский...”», как это часто бывает в «исторических» произведениях Городницкого, обращены в будущее (даже грамматически – формой глаголов): «Да не наступит скорбный этот час, / Искореня русскую природу, / Покуда длится сладкозвучный глас, / Дорогу указующий народу!». И по своему пафосу, и стилистически они сближаются скорее с пушкинской, нежели с державинской поэзией. Мотив «персональной» передачи лиры одному избранному неожиданно разрешается в тему служения ею народу, примечательна и метаморфоза звона «шершавой», «обветшалой» лиры в «сладкозвучный глас». Тема «народа» вызывает ассоциации с пушкинским, а не державинским «Памятником»: у старшего поэта «народы неисчетные», у Пушкина – дважды «народ», народ как единство, которому не противоречит множество «сущих» «по всей Руси великой» «языков», потому что скрепляют это единство поэзия, культура (незарастающая «народная тропа» к памятнику поэту) и нравственность («долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал» и т. д.). С пушкинским «Я памятник себе воздвиг...» сближает стихотворение Городницкого и вынесение слова «народу» в рифмующуюся пару. В целом с «пушкинским текстом» барда его роднит и набор ключевых слов; например, пушкинское сближение в рифме слов-понятий «народу – свободу», конечно, актуально в ценностной системе бардовской поэзии, а в творчестве Городницкого в этот же ряд встраивается «дорогу» («Матюшкин») и в рассматриваемом тексте – «русскую природу». Таким образом, имплицитно, в большей степени на уровне стилистики в этом стихотворении происходит передача державинской лиры всё-таки Пушкину.

Примечания

- 1 См.: *Биткинова В.* Державинские реминисценции в поэтических и мемуарных текстах А. Городницкого // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Т. 11. Сер. 9. Филология. Журналистика. 2011. Вып. № 1. С. 80–89.
- 2 *Городницкий А.* Легенда о доме : избранные стихотворения и песни. СПб., 2010. С. 235–236. Далее произведения Городницкого цитируются по этому изданию.
- 3 *Пушкин А.* Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1965. Т. 8. С. 65.
- 4 Здесь и далее курсив наш.
- 5 *Державин Г.* Сочинения : в 9 т. СПб., 1866. Т. 3. С. 449. Интерпретацию этого стихотворения в свете культурного пушкинско-державинского мифа см.: *Лотман Ю.* Александр Сергеевич Пушкин : Биография писателя // Лотман Ю. Пушкин. СПб., 1997. С. 40–41.
- 6 Стихотворение имеет посвящение «Галине Седовой». Галина Михайловна Седова – доктор филологических наук, пушкинист, директор Мемориального Музея-квартиры А. С. Пушкина на набережной р. Мойки, 12.

- А. М. Городницкий выступает на мероприятиях, проводимых музеем (на выставке, посвящённой истории музея, есть его фотография). С Г. М. Седовой, по её собственным словам, барда связывают давние дружеские отношения. Стихотворение «Тебе, Жуковский...» – своеобразный ответ на критику Галины Михайловны, которая была не согласна как с трактовкой пушкинско-державинского мифа в «Державинской лире», так и с общей концепцией стихотворения («Поэт свою единственную лиру / Передавать не может никому») и в письме к Городницкому привела некоторые материалы, доказывающие, что Державин неоднократно пытался «передать» кому-нибудь свою лиру. Среди этих материалов было и незаконченное стихотворение Державина «Тебе в наследие, Жуковский...».
- ⁷ Белинский в «Письме к Гоголю» высказал подозрение, что одиозные, на взгляд критика, «Выбранные места из переписки с друзьями» вызваны желанием писателя «попасть в наставники к сыну наследника» (Белинский В. Полн. обр. соч. : в 13 т. М., 1956. Т. 10. С. 217).
- ⁸ См.: Эйдельман Н. Пушкин : Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987.
- ⁹ См. противопоставление двух типов культуры, повторяющихся на разных исторических этапах, в книге В. Паперного «Культура Два». Одной из различающих их оппозиций как раз названа оппозиция «равномерное – иерархическое», для культуры тоталитарного типа характерна иерархичность, в том числе «иерархия людей» (Паперный В. Культура Два. М., 2007).
- ¹⁰ Здесь надо напомнить о сближении в поэзии и мемуарах Городницкого образов Державина и Б. Слуцкого, который пытался «говорить от имени России» и закончил молчанием.
- ¹¹ Ср. характеристики, данные державинской поэзии уже следующим поколением литераторов: «он не имел понятия <...> о гармонии», «он должен бесить всякое разборчивое ухо», «жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом» (Пушкин А. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 148); «громозд», «неряшество и безобразия», «всё в беспорядке: речь, язык, слог – всё скрипит, как телега с невымазанными колёсами» (Гоголь Н. Собр. соч. : в 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 151, 153).
- ¹² Ср. высказывание Вяземского в письме Жуковскому 1818 г. о сходном по художественной природе образе у Пушкина «Он духом там, в дыму столетий!!» (стихотворение «Смотри, как пламенный поэт...»): «“В дыму столетий!” Это выражение – город: я все отдал бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестия! <...> Знаешь ли, что Державин испугался бы дыма столетий? О прочих и говорить нечего» (цит. по: Эйдельман Н. Указ. соч. С. 205. См. там же анализ этого образа и стихотворения в целом).
- ¹³ В книгах Городницкого произведения располагаются в хронологическом порядке с выделением хронологических блоков, при этом каждому такому циклу даётся название – заглавие одного из стихотворений, в какой-то мере проблемно-тематически связывающее все включённые в данный блок тексты. В последней по времени издания книге стихотворения 2000–2008 гг. (в том числе и «Тебе, Жуковский...») объединены названием «Определение дома», а сама книга называется, напомним, «Легенда о доме».
- ¹⁴ См., например, песню «Геркулесовы столбы» (1965, 22).
- ¹⁵ И опять в контексте творчества Городницкого здесь важно вспомнить ассоциацию образа Державина с Б. Слуцким.
- ¹⁶ Державин Г. Сочинения : в 9 т. СПб., 1864. Т. 1. С. 87–89. См. там же объяснение этого образа и сравнение его с аналогичными в оде «На выздоровление Мецената» и в «Водопаде».
- ¹⁷ Городницкий А. След в океане. Петрозаводск, 1993. С. 360.
- ¹⁸ Наиболее явно, хотя в несколько ином контексте, это сближение в песне «Терпандр» (1991), посвящённой греческому поэту VII в. до н. э., который, в частности, канонизировал семиструнную кифару (в песне – «четверострунную лиру сменив семиструнной»). В комментариях автора читаем: «И хотя песня эта о Древней Спарте, но, честно говоря, очень сильно просматривается ситуация с положением авторской песни сегодня в нашей замечательной стране» (Городницкий А. Сочинения. М., 2000. С. 642).

УДК 821.161.1.09–1+929Окуджава

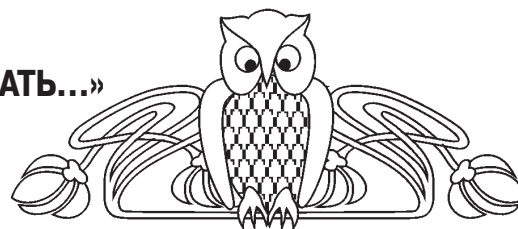
РОЗЫ ПОЭТА: СТИХОТВОРЕНИЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «МНЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПИСАТЬ...» В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

М. А. Александрова

Нижегородский государственный лингвистический университет
E-mail: nam-s-toboj@mail.ru

Стихотворение Окуджавы рассматривается в контексте классической поэтики розы, на фоне традиционной ситуации «прощания с лирой». Проводятся параллели с поэзией Пушкина, Батюшкова, Боратынского, Ходасевича.

Ключевые слова: Окуджава, роза, контекст, традиция, мотив, метафора, реминисценция.

The Poet's Roses: the Poem of Bulat Okudzhava «I don't Want to Write...» in the Context of Classical Tradition

M. A. Alexandrova

Okudzhava's poem is regarded in the context of the classical poetics of rose, in the background of the traditional situation «farewell to the lira». The parallels with Pushkin's, Batyushkov's, Boratynsky's and Khodasevich's poetry are drawn.